

ИСТОРИЯ ОДНОГО ПРИКАЗА

Не за горами 75-летие нашей Великой Победы. Думаю, что святой долг историков и краеведов вспомнить о всех незаслуженно забытых именах и фактах.

К примеру, о первом боевом Приказе 22 июня 1941 г. за час до официального объявления войны.

В историю Великой Отечественной приказ контр-адмирала Ивана Елисеева об открытии огня вошел как первый, отданный на уровне всего советского флота против фашистских самолётов, направляющихся бомбить Севастополь. Благодаря правильному решению 22 июня Севастополь был защищён. В свете имевшей место в то время команды "не поддаваться на провокации" боевой приказ Елисеева требовал большого мужества. Но в разные послевоенные годы подвиг адмирала как могли замалчивали. Он не "вписывался" в "удобную" хронологию войны. Даже в первые издания "Воспоминаний и размышлений" маршала Жукова вкрались досадные неточности в отношении названного события.

В историко-краеведческом музее городского округа Ликино-Дулёво (бывшего Орехово-Зуевского района) хранятся фотографии нашего земляка Ивана Елисеева, переданные его родственниками, проживающими в г. Куровское. Иван Дмитриевич - участник трёх войн - гражданской, в Испании и Великой Отечественной.

А биография у него, как и у большинства героев самая что ни на есть "рабоче-крестьянская". Родился Иван Елисеев 23 января 1901 г. в старообрядческой деревне Селиваниха Дороховской волости, Богородского уезда, Московской губернии (ныне - г.о. Ликино-Дулёво Московской области) в семье мещанина. Отец - Дмитрий Иванович держал раздаточную контору – получал пряжу на фабрике Морозовых в Орехово-Зуево, раздавал ее ткачам на домашних станах, а затем отвозил готовые штуки тканей в Орехово-Зуево. Такое посредничество обеспечивало жизнь семьи и содержание усадьбы – двухэтажного кирпичного дома и участка земли при нем. В восьмилетнем возрасте Иван начал ходить в четырехклассное земское училище, находившееся в соседней деревне Титово. Училище окончил в 1912 году, некоторое время помогал отцу в делах, но в марте 1913 г. Иван Дмитриевич в возрасте 36 лет умер от прободения язвы желудка; вдова и шестеро детей переехали из деревни в Москву к отцу матери. Здесь Иван пошел в ремесленную школу учиться на слесаря. «Дипломную работу» по окончании ремесленного училища Иван Дмитриевич сдал на «отлично», - ему было задано изготовить из металла письменный прибор.

В марте 1920 г. Иван Дмитриевич был призван в РККА, определен в кавалерию и после непродолжительного обучения попал на Польский фронт. О переходе на флот Иван Дмитриевич шутливо рассказывал так: «Пришел к нам в полк матрос и стал агитировать: на флоте, дескать, норма – полтора фунта хлеба, четверть фунта мяса да осьмушка сахара, - а у вас что? Ну, и стали записываться во флот. Я – тоже». В 1920-е годы Иван Дмитриевич служил в Москве в ведомстве помощника Начальника морских сил республики.

Курс высшего Военно - Морского училища им. М.В Фрунзе он проходил по сокращенной программе. По окончании учебы служил на Черноморском флоте, на крейсере «Червона Украина», где командиром был Николай Герасимович Кузнецов, будущий нарком Военно - Морского флота, с которым у них по жизни было немало общего.

Когда Иван Елисеев был назначен в группу, отправляющуюся в Испанию, возникла необходимость в знании испанского языка. Группе был определен преподаватель, и через два месяца «испанцы» могли уже бойко объясняться на бытовые темы.

С мая 1937 г. по июль 1938 г. Иван Дмитриевич был советником командующего флотилии эсминцев республиканского флота.

Принимал участие в обучении личного состава, а также непосредственно участвовал в боевых действиях.

После Испании Иван Дмитриевич в числе других интернационалистов был награжден орденом Красной Звезды, вся группа приезжала в Москву,

где ордена героям вручал лично М.И. Калинин.

В дальнейшей службе на Черноморском флоте Иван Дмитриевич последовательно прошел путь от начальника штаба бригады крейсеров до начальника штаба Черноморского флота.

В ночь с 21 на 22 июня 1941 г. начальник штаба Черноморского флота контр-адмирал Иван Дмитриевич Елисеев находился в штабе флота, поддерживая связь с наркомом ВМФ Н.Г. Кузнецовым и извещая командующего флотом вице-адмирала Ф.С. Октябрьского об обстановке.

Воспользуемся воспоминаниями маршала Жукова, адмиралов - Кузнецова и Елисеева и увидим ход неординарных событий предвоенной ночи 22 июня 1941 г.

Георгий Константинович Жуков написал, что первое сообщение о начале войны поступило в Генеральный штаб в 3 часа 07 минут 22 июня 1941 года. В это время ему позвонил по ВЧ командующий Черноморским флотом Ф.С. Октябрьский и сообщил: «Система ВНОС [воздушного наблюдения, оповещения и связи] флота докладывает о подходе со стороны моря большого количества неизвестных самолетов; флот находится в полной боевой готовности. Прошу указаний». Датировка в мемуарах точная. Просто Октябрьский звонил Жукову, когда Елисеев уже отдал свой приказ и наш земляк стал бы "крайним", если бы началось выяснение, кто проявил инициативу. По хронометражу адмирал Елисеев отдал приказ как бы без согласования с начальством. Время "03.07" - это своего рода алиби для командующего флотом Октябрьского.

Воспоминания И.Д.Елисеева: «Учитывая тревожную обстановку, мы договорились, чтобы в штабе флота ночью обязательно присутствовал кто-нибудь из старших начальников, облеченный правом в случае необходимости принимать ответственные решения. В ночь на 22 июня на такое дежурство заступил я, начальник штаба. Такова уж традиция на флоте: самым ответственным считается дежурство с субботы на воскресенье. В 01.03 поступила телеграмма из Москвы. Через две минуты она уже лежала у меня на столе. Вскоре телеграмма была вручена прибывшему командующему флотом. Это был приказ Наркома ВМФ о переводе флота на оперативную готовность № 1. Немедленно привели в действие заранее отработанную систему оповещения. Предусматривалось два способа вызова личного состава: через оповестителей (скрытно) и по тревоге. Сначала я приказал использовать первый способ. Но в штаб стали поступать сообщения, что переход на повышенную готовность осуществляется недостаточно быстро. Тогда я приказал сыграть базовую тревогу. Оперативная готовность № 1 была объявлена по флоту в 01:15 22 июня 1941 года».

Процитируем мемуары Н.Г. Кузнецова (Накануне". - М.: Воениздат, 1969)

"Около 3 часов дежурному (Н.Т. Рыбалко - дежурный по штабу Черноморского флота -прим. авт.) сообщили, что посты СНИС и ВНОС (СНИС — Служба наблюдения и связи. ВНОС — Воздушное наблюдение, оповещение и связь) слышат шум авиационных моторов. Рыбалко докладывает об этом И.Д.Елисееву.

— Открывать ли огонь по неизвестным самолетам? — звонит начальник ПВО полковник Жилин.

— Доложите командующему,— отвечает начальник штаба. Рыбалко докладывает комфлоту. И тут у них происходит разговор, который воспроизвожу по записи дежурного.

Ф.С. Октябрьский. Есть ли наши самолеты в воздухе?

Н.Т. Рыбалко. Наших самолетов нет.

Ф.С. Октябрьский. Имейте в виду, если в воздухе есть хоть один наш самолет, вы завтра будете расстреляны.

Н.Т. Рыбалко. Товарищ командующий, как быть с открытием огня?

Ф.С. Октябрьский. Действуйте по инструкции.

Я дословно привожу записи Н.Т.Рыбалко не для того только, чтобы дать характеристику людям. Хочется пояснить, как было трудно принимать первые решения, означавшие переход от мирного времени к войне. Ведь дело касалось Севастополя — главной военно-морской базы Черноморского флота. Отдать здесь приказ об открытии огня всей системой ПВО по неизвестным еще в те минуты самолетам далеко не равнозначно открытию огня на какой-либо пограничной заставе, привыкшей ко всяким инцидентам. На командовании лежала большая ответственность: с одной стороны, не пропустить безнаказанно врага, а с другой — не вызвать нежелательного осложнения. Несколько позже, когда все флоты получили прямое разъяснение, что война началась, сомнения и колебания отпали.

Естественно, такой ответ не мог удовлетворить дежурного Н.Т. Рыбалко, и он обратился к стоявшему рядом с ним начальнику штаба флота И.Д. Елисееву:

— Что ответить полковнику Жилину?

— Передайте приказание открыть огонь,— решительно сказал И.Д. Елисеев.

— Открыть огонь! — скомандовал Н.Т. Рыбалко начальнику ПВО. Но и полковник Жилин хорошо понимал весь риск, связанный с этим.

— Имейте в виду, вы несете полную ответственность за это приказание. Я записываю его в журнал боевых действий,— ответил он, вместо того чтобы произнести короткое флотское «Есть!».

— Записывайте куда хотите, но открывайте огонь по самолетам! — уже почти кричит, начиная нервничать, Рыбалко.

3 часа 07 минут. Немецкие самолеты подходили к Севастополю крадучись, на небольшой высоте. Вдруг сразу вспыхнули прожектора, яркие лучи стали шарить по небу. Заговорили зенитные орудия береговых батарей и кораблей. Несколько самолетов загорелись и начали падать. Другие торопились сбросить свой груз. У них была задача заблокировать корабли в бухтах Севастополя, не дать им возможности выйти в море. Противнику это не удалось. Мины упали не на фарватер, а на берег. Часть попала в город и взорвалась там, разрушая дома, вызывая пожары и убивая людей.

Мины спускались на парашютах, и многие жители думали, что это выбрасывается воздушный десант. В темноте принять мины за солдат было не мудрено. Невооруженные севастопольцы, женщины и даже дети бросились к месту приземления, чтобы схватить фашистов. Но мины взрывались, и число жертв росло. Однако налет был отбит, и рассвет 22 июня Севастополь встретил во всеоружии, оцетинившись орудиями, которые смотрели в небо и в море.

В Москве рассвет наступил несколько раньше. В 3 часа было уже все видно. Я прилегла на диван, пытаясь представить себе, что происходит на флотах. Глуховатый звонок телефона поднял меня на ноги.

— Докладывает командующий Черноморским флотом. По необычайно взволнованному голосу вице-адмирала Ф.С. Октябрьского уже понимаю — случилось что-то из ряда вон выходящее.

— На Севастополь совершен воздушный налет. Зенитная артиллерия отражает нападение самолетов. Несколько бомб упало на город...

Смотрю на часы. 3 часа 15 минут. Вот когда началось... У меня уже нет сомнений — война!

Сразу снимаю трубку, набираю номер кабинета И.В. Сталина. Отвечает дежурный:

— Товарища Сталина нет, и где он, мне неизвестно.

— У меня сообщение исключительной важности, которое я обязан немедленно передать лично товарищу Сталину,— пытаюсь убедить дежурного.

— Не могу ничем помочь,— спокойно отвечает он и вешает трубку.

А я не выпускаю трубку из рук. Звоню маршалу С.К.Тимошенко. Повторяю слово в слово то, что доложил вице-адмирал Октябрьский.

— Вы меня слышите?

— Да, слышу.

В голосе Семена Константиновича не звучит и тени сомнения, он не переспрашивает меня. Возможно, не я первый сообщил ему эту новость. Он мог получить подобные сведения и от командования округов.

Говорить Наркому обороны о положении на флотах, об их готовности сейчас не время. У него хватает своих дел.

Еще несколько минут не отхожу от телефона, снова по разным номерам звоню И.В. Сталину, пытаюсь добиться личного разговора с ним. Ничего не выходит. Опять звоню дежурному:

— Прошу передать товарищу Сталину, что немецкие самолеты бомбят Севастополь. Это же война!

— Доложу кому следует,— отвечает дежурный. Через несколько минут слышу звонок. В трубке звучит недовольный, какой-то раздраженный голос:

— Вы понимаете, что докладываете? — Это Г.М. Маленков.

— Понимаю и докладываю со всей ответственностью: началась война.

Казалось, что тут тратить время на разговоры! Надо действовать немедленно: война уже началась!

Г.М. Маленков вешает трубку. Он, видимо, не поверил мне. Кто-то из Кремля звонил в Севастополь, перепроверял мое сообщение...

Я на свою ответственность приказал передать флотам официальное извещение о начале войны и об отражении ударов противника всеми средствами, на основании этого Военный совет Балтийского флота, например, уже в 5 часов 17 минут 22 июня объявил по флоту: «Германия начала нападение на наши базы и порты. Силой оружия отражать всякую попытку нападения противника».

К вышесказанному добавим, что сохранилось доверительное письмо И.Д. Елисеева к Н.Г. Кузнецову, датированное 20 апреля 1970 г., где он ссылается на своё письмо в ЦК КПСС в отдел печати по поводу неточности, допущенной в книге Г.К. Жукова «Воспоминания и размышления». Речь идет об обстоятельствах, связанных с налётом немецкой авиации на Севастополь в начале войны.

Суть вопроса, сформулированная И.Д. Елисеевым в уже названном письме в ЦК КПСС:

"1. Налёт немецкой авиации на Севастополь был совершён в 3 часа 07 минут 22 июня 1941 г.

2. Обстоятельно об этом изложено в книге Н.Г. Кузнецова «Накануне» на страницах 334-336. Н.Г. Кузнецов (в то время Нарком ВМФ) рассматривает вопрос о том, как трудно было в тот период решиться на отдачу приказа об открытии огня по летящим на Севастополь неизвестным самолётам, и на основании записок дежурящего в то время по штабу Черноморского флота Н.Т. Рыбалко, объясняет, как произошло открытие огня. Из записок т. Рыбалко следует, что команду об открытии огня Комфлот Ф.С. Октябрьский не давал, применил угрозу, решение было принято нач. штаба ЧФ.

3. В свою очередь Ф.С. Октябрьский написал т. Рыбалко письмо, в котором пишет: «Когда мне т. Русаков (Командующий авиацией ЧФ) доложил о появлении неизвестных самолётов, я сразу же дал приказание открыть огонь. А после открытия огня и первых упавших мин лично доложил в Москву, найдя вначале Кузнецова, потом мне звонил Берия, потом начальник Генштаба Жуков». (Это написано Октябрьским 24 января 1966 г.)

В книге Маршала Советского Союза Г.К. Жукова «Воспоминания и размышления» (издательство Агентство Печати Новости, 1969 г.) на стр. 247 написано: «В 3 часа 17 м.» (а налёт фактически состоялся в 3 часа 07 м.) мне позвонил по ВЧ командующий Черноморским флотом адмирал Октябрьский и сообщил, что Система ВНОС флота докладывает о подходе со стороны моря большого количества неизвестных самолётов. Флот находится в полной боевой готовности. Прошу указаний». (А ведь Октябрьский

пишет, что он отдал приказание открыть огонь, никого не спрашивая.) Я спросил адмирала: «Ваше решение?» — «Решение одно: встретить самолёты огнём противовоздушной обороны флота».

Переговорив с С.К. Тимошенко, я ответил Ф.С.Октябрьскому: «Действуйте и доложите об этом своему Наркому». (Даже Г.К. Жуков не дал согласия на открытие огня, не доложив С.К. Тимошенко.)

Как видно из приведённых выдержек из книги Маршала Советского Союза Жукова, вопрос не прояснился, а запутан окончательно. Нам кажется, что при переиздании книги следовало бы это уточнить.

Вице-адмирал в отставке Елисеев И. Д.

Москва Ж-172, ул. Володарского, д. 23/32, кв. 145.

«20» апреля 1970 г."

Думаю, что при исторической оценке Приказа И.Д. Елисеева важен его отзыв о книге «Накануне» и ее авторе Н.Г. Кузнецове:

"Н.Г. Кузнецова я знаю ещё по совместной службе на крейсере «Червона Украина», где я с ним служил вместе. Он был командиром крейсера, а я - старшим помощником. Я мог бы рассказать много эпизодов из этой совместной службы. Но я хочу проанализировать его книгу «Накануне» по крупным вопросам, имеющим большое значение и теперь. Автор книги «Накануне» перед войной занимал самую высокую должность в Военно-Морском Флоте. Книга Н.Г.Кузнецова «Накануне» объективно излагает события, написана очень ясно, читается легко, содержит много исторических фактов, много поучительных выводов и, несомненно, принесет большую пользу для наших молодых кадров. Книга построена не только на воспоминаниях, но и на документах. В этом её ценность".

Читателю, наверно, интересно знать, что в дальнейшем стало с "возмутителем спокойствия" адмиралом И.Д. Елисеевым в годы Великой Отечественной и после Победы?

Здесь я без комментарием приведу лишь факты и цифры из его биографии, а делать выводы читателям придётся самостоятельно.

С мая 1942 г. по апрель 1943 г. Иван Дмитриевич Елисеев - заместитель командующего и начальник штаба ЧФ.

В апреле 1943 г. за ряд военных неудач и больших потерь на флоте снят с должности и до января 1944 г. находится в распоряжении Управления кадров офицерского состава ВМФ. В марте 1944 г. понижен в воинском звании до капитана 1 ранга, однако в апреле того же года в звании был восстановлен. С апреля 1944 г. - помощник Начальника Управления — начальник второго отдела Управления боевой подготовки Главного морского штаба (ГМШ) ВМФ.

С августа 1944 г. - заместитель начальника Оперативного управления ГМШ ВМФ. После войны продолжил службу на флоте: с июля 1945 г. - помощник начальника ГМШ ВМС, с марта 1947-го - заместитель ответственного редактора; заместитель главного редактора журнала «Морской сборник».

С сентября 1948 г. - начальник кафедры ВМС – военно-морского отдела, военно-морского факультета Высшей военной академии им. К.Е. Ворошилова. Декабрь 1949 – сентябрь 1951 гг. - главный редактор журнала «Морской сборник; сентябрь 1951 – апрель 1953 гг. - начальник Научно-технического комитета Военно-морского министерства. С апреля 1953 г. - помощник начальника ГШ ВМС, заместитель начальника ГШ ВМФ.

С декабря 1965-го в распоряжении Главкома ВМФ, с марта 1966 года – в отставке.

Жил в Москве, скончался 28 сентября 1974 года, пережив на три месяца своего оппонента - маршала Жукова (адмирал Кузнецов пережил Елисеева всего на два месяца).

Похоронен на старообрядческом Рогожском кладбище Москвы. Награжден орденом Ленина, четырьмя орденами Красного Знамени, орденом Нахимова 1-й степени, орденом Ушакова 2-й степени, орденом Красной Звезды и медалями.

Евгений Голоднов, краевед.